

ЭВФЕМИСТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СЛАВЯНСКИХ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (43)

УДК 811.16'42'373.49:398.92:811.581'42'373.49:398.92

DOI:10.24144/2663-6840/2020.1(43).146-151

Коваль В. Эвфемистические фразеологизмы в славянских и китайском языках; кількість бібліографічних джерел – 21; мова російська.

Аннотация. В статье рассматриваются славянские и китайские эвфемистические фразеологизмы, использующиеся для косвенной характеристики лиц, предметов и ситуаций, которые вызывают представления о чем-либо запретном, табуированном, непристойном, неприличном. Эвфемизмы в целом (не только фразеологические, но и лексические единицы) активно используются для завуалированного обозначения чего-либо неуместного. К подобным единицам относятся устойчивые словосочетания, относящиеся к тематическим группам «беременность», «рождение», «интимные отношения», «прелюбодеяние», «проституция» и некоторые другие. Характерной особенностью эвфемистических фразеологизмов, известных как в славянских, так и в китайском языках, является использование компонентов-зоонимов и компонентов-фитонимов, наделяемых соответствующими символическими значениями. Источниками фактического материала в данном случае являются не только достаточно распространенные в языке обороты, но и устойчивые словосочетания, которые регулярно встречаются в прозаических текстах, и особенно – в стихах и народных песнях любовно-брачной тематики. Особенно значимым для выявления и анализа рассматриваемых фразеологизмов, имеющих ярко выраженную эротическую окраску, оказывается обращение к китайской «лирике разлуки», то есть к стихам, которые посвящены любовным женским переживаниям: безответной любви, коварному обману девушки, измене возлюбленного или его вынужденному отъезду в дальние края. Отмечается, что славянские и китайские эвфемистические фразеологизмы отражают картину мира разных народов. Вместе с тем, несмотря на специфику и принципиальные различия славянской и китайской культур, в отдельных случаях структура и внутренняя форма эвфемистических фразеологизмов в славянских и китайском языках оказываются весьма близкими или даже тождественными.

Ключевые слова: эвфемизмы, фразеологизмы, внутренняя форма, употребление, художественный текст.

Постановка проблемы. Эвфемизмы, то есть «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Лингвистический 1990, с. 590], занимают особое место среди других выразительных средств коммуникации, поскольку их употребление не только способствует оживлению и образности речи, но и обеспечивает успешное общение.

Анализ исследований. Именно стремление избежать «коммуникативную неудачу» побуждает говорящих использовать слова или выражения, которые, в соответствии с правилами речевого этикета, являются нежелательными [Ковшова 2007, с. 7]. При определении дифференцирующих признаков эвфемизмов нередко используются номинации *приличный, непрямой, прикрытый*: «Это другие, более приличные замены выражений непристойного содержания» [Dąbrowska 1998, s. 11]; «Эвфемизм – это слово или выражение, употребляемое для непрямого, прикрытого обозначения предмета, человека или явления, называть которое прямо не принято или неудобно в данной ситуации» [Слепович 2004: 33]. Б.А. Ларин не только впервые исследовал языковую природу эвфемизмов, которые используются для «затемнения, прикрытия неприглядных явлений жизни или нескромных мыслей, намерений», но и поставил вопрос о их соотносительности с понятиями «табу» и «тропы» [Ларин 1961, с. 110]. По мнению В.П. Москвина, эвфемизмы и тропы различаются функционально: «Эвфемизм является

средством смягчения и очистки речи, поэтический троп выполняет в тексте эстетическую функцию» [Москвин 2010, с. 29]. Достаточно всесторонне сущность рассматриваемых оборотов определяет китайский исследователь Чжан Чань, который относит к эвфемизмам «мягкие, благозвучные и просто более приемлемые по тем или иным причинам слова или выражения, употребляемые вместо слов или выражений, представляющихся запрещенными, неприличными, неуважительными, грубыми и нетактичными» [Чжан Чань 2013 с. 8].

Цель, задачи статьи. Поскольку эвфемизмы имеют заметный колорит, очевидное национальное своеобразие, представляется перспективным их исследование в сравнительно-сопоставительном аспекте. Названный подход положен в основу данной статьи, **цель** которой заключается в выявлении различия и сходства в использовании эвфемистических фразеологизмов в некоторых славянских и китайском языках. В статье ставится **задача** – описать эвфемистические фразеологизмы, относящиеся лишь к трем тематическим группам.

Методы и методики исследования. Основные **методы**, используемые в этом исследовании – описательный и сравнительно-сопоставительный

Изложение основного материала. Эвфемистические фразеологизмы тематической группы 'проституция, общение с публичными женщинами' в славянских языках представлена прежде всего устойчивыми словосочетаниями с общим значением 'публичная женщина': рус. *женищина легкого поведения, жрица любви, ночная бабоч-*

ка, жєницина (девушка) с низкой социальной ответственностью, падшая (продажная, уличная) жєницина, тружєниця панели, представительница древнейшей профессии, работница сферы сексуальных услуг, девушка с Тверской, девушка на субботнике, девушка из бара, карьерная девушка, девушка полусвета, соратница по панели; укр. дівчина з сауни; дівчина з бару; дівчина з дискотеки; дівчина з казино; дівчина з клубу; дівчина з салону [Кантур 2011, с. 243–244]; польск. *babka niecierpliwa, dama do towarzystwa, kobieta nierządna, kobieta pracująca nocą, madmozel de kozel, nocna czarownica, pani do wzięcia, wesola kobieta* [Dąbrowska 1998, s. 107–119].

В китайском языке аналогичные обороты имеют более высокую степень идиоматичности: *дымные цветы* ‘певички-гетеры’. *Я, урожденная У, сочеталась брачными узами с Симэнем. Не растаетя моя муж с дымными цветами, а посему, достигши средних лет, лишен наследника* (Цзинь, Пин, Мэй); *золотая ипилька* ‘наложница, проститутка’. *Они припадают к зеленому нефриту, их окружает частокол золотых ипилек* (Фан Мэнлун. Две монахини и блудодей).

Названия самого заведения, где находятся публичные женщины, в русском и китайском языках имеют сходную внутреннюю форму (это место, где предаются веселью): рус. *веселый дом* ‘публичный дом’. *Он ездил на паровозе, чтобы затем изобразить машиниста, спускался в шахты, ходил в веселые дома* (К. Федин. Первые радости); сравн. также рус. *дом терпимости*; кит. *дом веселья* ‘публичный дом’ *Еще один вид любви – это когда расточают улыбки в домах веселья и ищут наслаждений среди цветов* (Фан Мэнлун. Две монахини и блудодей). В то же время в украинском и польском языках соответствующие реалии оцениваются негативно, поскольку связываются с предосудительным, порочным поведением: укр. *будинок розпусти*, польск. *dom rozpusty* [Dąbrowska 1998, s. 108]; сравн. при этом польск. *dom pod czerwona latarnią; mały biały domek* [Dąbrowska 1998, s. 109; 113].

Носителям русского языка известен устаревший эвфемистический фразеологизм *пойти по желтому билету* ‘получить документально подтвержденный статус публичной женщины’: *Когда единокорная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел...* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание). В польском языке сходная ситуация реализуется во фразеологизме, имеющем ярко выраженную негативную коннотацию: *zejść na złą drogę* ‘стать проституткой’ [Dąbrowska 1998, s. 116].

В китайском языке значительную группу составляют глагольно-именные обороты с общим значением ‘посещать публичный дом’, включающие компоненты-фитонимы и реже – компоненты-зоонимы: *спать среди цветов, ночевать под ивами* ‘проводить время с публичными женщинами’. *Посмотри, до чего он беспутный! Домой не заявляется – спит среди цветов, ночует под ивами* (Цзинь, Пин, Мэй); *искать цветы и ивы, спать в цветах, спать под*

ивой ‘спать с публичными женщинами’ [Моховикова 2015, с. 54]; *созерцать иву* ‘посещать публичный дом’ [Завадская-Байджи 1998, с. 30]; *ловить зайца* ‘отправиться в публичный дом’ (заяц, особенно держащий пест и толкущий в ступе, символизирует мужскую сексуальную активность) [Завадская-Байджи, с. 28]. Сравн. при этом хорв. *tjerati zeca* (= гонять зайца) ‘вести распущенную жизнь’ [Matešić 1982, s. 782] и украинский диалектизм *заяць* ‘толкуч, служащий для выжимания масла в маслобойне’ [Словарь украинского языка 1958, с. 52].

Эвфемистические фразеологизмы, относящиеся к сфере интимных отношений, регулярно встречаются в белорусских народных песнях любовной и любовно-брачной тематики [Коваль 2003, с. 105–115]. Значительный по объему и богатый по содержанию материал, представляющий «фразеологические эротизмы» в украинском песенном фольклоре, проанализирован в монографии Н.П. Лєсюка [Лєсюк 2010]. Сравн. устойчивые словосочетания со значением ‘находиться в интимных отношениях’: бел. *збіраць грыбы, схваціць грыба, грыба знайсці, па грыбы хадзіць, чыніць каўбасу, даваць пірог* [Коваль 2003, с. 109–111]; укр. *кукурудзи проломити, бобичок посяти, жито розсипати, молотити жито, петлювати пшениченку, черешеньки рвати, яблучка рвати* (сравн. при этом: кит. *рвать лотосы* ‘заниматься любовью’ [Кравцова 1993, с. 65]); *тютюнець носити, олій бити, різати січку, крупи дерти, стручок замочити, загнати бичка, бика здоїти, застрілити сороку, їсти пирога, дати риби* [Лєсюк 2010, с. 81–90].

Во многих традиционных белорусских и украинских любовных песнях так или иначе находит отражение мотив напоения коня. Именно с такой, на первый взгляд, безобидной «бытовой» просьбой обращается парень к девушке, которая в такой ситуации реагируют на эту просьбу на «приземленном» уровне весьма странно, но достаточно понятно с учетом общеизвестной фаллической символики слова *конь*: лирическая героиня обещает парню напоить его коня лишь после брака с ним: бел. *Дзяўчына мая, / Напой мне каня / З тое да з тое крынічэнькі, / Да з поўнага вядра! – Як буду твая, / Напаю каня* [Коваль 2003, с. 106]; укр. *Дівчино моя, напій ми коня. – Не напою, бо ся бою, бо ще не твоя* [Лєсюк 2010, с. 47].

Соответствующие эвфемистические фразеологизмы с компонентом *конь*, связанные со сферой интимных отношений (бел. *паіць (напаіць) каня, даць каню вады, пераняць каня, садзіцца на каня, асядлаць каня*; укр. *коня пасти, на коника ручку подавати, пустити коня до стаєньки, дати коневі їсти, конем грати*; польск. *paroić konia* [Dąbrowska 1998, s. 95]), весьма многочисленны в народных лирических песнях. Н.П. Лєсюк в связи с этим отмечает: «Таких текстів, де козак «напуває коня» або просить дати його «коневі» «напитися» з «криниченьки», яка є в дівчини, яка є власністю дівчини, можна знайти чимало» [Лєсюк 2010, с. 49].

Сходную внутреннюю форму имеет русский жаргонный фразеологизм *оседлать коня* ‘совер-

шить половой акт' [Мокиенко, Никитина 2000, с. 277]. С этим же значением в китайском языке употребляется эвфемизм *покрыть седлом*: *Он проводит дни в песнях и танцах, среди ив и вишен. Жизнь его течет под бирюзовой луной и лиловыми облаками и наполнена безмятежным весельем. Этот скакун, как гласит пословица, покрыт не одним седлом* (Фан Мэнлун. Две монахини и блудодей).

Эротическая символика зайца отражена в чешском эвфемистическом фразеологизме *vyhanel z díry zajíce* 'о коитусе' [Гура 1997, с. 182].

Рассматриваемое значение выражают индивидуально-авторские эвфемистические фразеологизмы, встречающиеся в художественных текстах: *В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка! Кувшинников, который сидел возле меня, «Вот, говорит, брат, попользоваться бы насчет клубнички!»* (Н. Гоголь. Мертвые души); *И было, было, что уж теперь греха таить, в бессарабские виноградники по-пластунски лазил и как-то всю ночь давил там с одной смуглянкой-молдаванкой оч-чень дурманное и сладкое вино.* (В. Астафьев. Ода русскому огороду); *Во время выездов и прогулок фаворита по набережной примечено: у Александра Матвеевича происходит с княжной Щербатовой сердечное маханье* (В. Пикуль. Фаворит); *Не знаю лучших я затей / Среди вселенской тихой грусти /, Чтобы в полумраке детей // Искать в какой-нибудь капюсте* (И. Губерман. Я враг дискуссий и собраний).

В китайской культуре (особенно – в поэтических текстах) поступки людей в сфере интимных отношений вербализуются по-восточному витиевато и романтично, нередко – через использование символики растений, животных и природных стихий: *парное возвращение в радостной пустоте, парное совершенствование мужчин и женщин* [Кобзев 2010, с. 848], *встречи среди тутовников* [Алимов, Кравцова 2014, с. 390], *любовное безумие бабочки и дикой пчелы* [Завадская-Байджи 1998, с. 27]; *тучи и дождь* [Моховикова 2015, с. 54], *любить ветер и луну* [Завадская-Байджи 1998, с. 30]. Сравн. также использование эвфемизмов *улады тучки дождя и игра тучки и дождя* в тексте бытового романа конца XVI XVII вв. «Цзинь, Пин, Мэй»: *У Сун-красавец сдержан был, как лед. / Но страсть невестке не дает покоя! / Как в сети, завлекла его в покои, / К уладам тучки и дождя зовет; Они смеялись и резвились. Вдоволь насладившись игрою тучки и дождя, Симэнь снял*

вышитую туфельку с ножки Цзиньяня, вылил в нее чарку вина и осушил туфельку-кубок.

В славянских языках довольно многочисленную тематическую группу составляют эвфемистические фразеологизмы со значением 'прелюбодействовать', 'иметь внебрачные связи': рус. *пойти горох мять, скакать в крапиву, нажарить (сварить, наварить) грибов*; бел. у *краніве жаніцца, у краніве шлюб браць, хадзіць у жыта, пайсці за грыбамі, збіраць грыбы (грыбочкі), схваціць грыба*; укр. *скакати (стрибати, плигати) в гречку, у горох ускочити, лізти в капусту, сягати в чужу грядку, заглядати до курника*; кашуб. *kozé pasc*. В основу внутренней формы подобных фразеологизмов положено представление либо о продуцирующих свойствах предметов, названных именными компонентами, либо о их эротической символической [Коваль 2011, с. 48–51].

Сравн. употребление подобных фразеологизмов в художественных текстах: *«Пусти, – говорит, – я тебе совестью заручаюсь, что еще худого промеж нас ничего не было». – «Худого, – говоришь, – не было! А чем вы там с ним по ночам занимались? Подушки мужнины перебивали?»* (Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); *«Жена теперича скажет: «Что-то мой Миколушка делает?» – «Ого-го-го! Она, брат, небось, со свекром в голопузика играет».* (М. Шолохов. Тихий Дон).

В китайском языке рассматриваемые эвфемистические фразеологизмы обладают, как и в других случаях, более сложной внутренней формой, что обусловлено их связью с разнообразными мифами, легендами и историческими событиями: *红杏出墙* (букв.: цветы абрикоса вытягиваются в другую сторону стены) 'жена ходит на сторону', *给丈夫戴绿帽子* (букв.: надеть зеленую шляпу на мужа) 'изменить мужу' [Чжан Чань 2011, с. 41]; *игра ветра и луны* 'вольготная жизнь, полная утех и увеселений'. *Симэнь Цин был большой мастер игр ветра и луны, то бишь знал одни лишь наслаждения, соблазняя жен порядочных людей* (Цзинь, Пин, Мэй).

Выводы. Приведенный материал свидетельствует о продуктивности и структурно-сематическом разнообразии эвфемистических фразеологизмов в славянских и китайском языках. Предпринятое сопоставительное описание позволило выявить, наряду со специфическими, сходные в формальном и содержательном отношении славянские и китайские устойчивые словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2014. 1408 с.
2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.
3. Завадская-Байчжи Е. В. Сексуальность как особый колорит китайской традиционной живописи. *Китайский эрос: научно-художественный сборник* Москва: ОCRПалек, 1998. С. 27–31.
4. Кантур К. А. Антропосемические эвфемизмы и их функционально-прагматические особенности (на материале английского, французского, украинского и русского языков). Дис. ... кан.д. филол. наук. 10.02.15 – общее языкознание. Одесса, 2011. 304 с.
5. Кобзев А.И. Чунь хуа. *Духовная культура Китая: энциклопедия*: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. Т. 6 (дополнительный). Искусство. Москва: Вост. лит., 2010. С. 846–851.

6. Коваль В.И. Белорусская народно-песенная фразеология любовно-эротического содержания. *Frazeologické studie III*. Jozef Mlacek – Peter Ďurčo editori. K 13 Kongresu slavistov v Lyublanc. Bratislava, 2003. S. 105–115.
7. Коваль В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение: монография. Минск: РИВШ, 2011. 196 с.
8. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва: Гнозис, 2007. 320 с.
9. Кравцова М.Е. Жемчужина из волшебной пучины. Заметки о китайской любовно-лирической поэзии *Чёрная жемчужина: Журнал о культуре Востока*. 1993. Вып. 2. С.64–66.
10. Ларин Б. А. Об эвфемизмах *Проблемы языкознания*: сб. ст. / ред. Б.А. Ларин. Ленинград: Наука, 1961. С. 101–114.
11. Лесюк М.П. Еротизм в українському пісенному фольклорі: наукове видання. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2010. 244 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 720 с.
14. Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Москва: Ленанд, 2010. 264 с.
15. Моховикова Н.С. Функционирование эвфемизмов китайского языка в зеркале русского языка (на материале тематической группы *смерть*). *Филология и культура*. 2015. №1(39). С. 54–58.
16. Слепович В. С. Курс перевода. 4-е изд., перераб. и доп. Минск: Тетра Системс, 2004. 320 с.
17. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б.Д. Гринченко: Т. 1–4. Київ: Вид-во АН УРСР, 1958. 575 с.
18. Чжан Чань. Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки*. 2011. № 10 (64). С. 38–42.
19. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Волгоград, 2013. 26 с.
20. Dąbrowska A. Słownik eufimizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1998. 323 s.
21. Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1982. 808 s.

REFERENCES

1. Alimov I. A., Kravtsova M. Ye. (2014) Istorija kitayskoy klassicheskoy literatury s drevnosti i do XIII v. [The history of Chinese classical literature from antiquity to the 13th century]: poeziya, proza: v 2 ch. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye. 1408 s. [in Russian].
2. Gura A.V. (1997) Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoy traditsii [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moskva: Izd-vo «Indrik». 912 s. [in Russian].
3. Zavadsкая-Baychzhi Ye. V. (1998) Seksualnost kak osoby kolorit kitayskoy traditsionnoy zhivopisi [Sexuality as a special flavor of Chinese traditional painting]. *Kitayskiy eros: nauchno-khudozhestvennyy sbornik*. Moskva: OCRPalek. S. 27–31 [in Russian].
4. Kantur K. A. (2011) Antroposemicheskiye evfemizmy i ikh funktsional'no-pragmaticheskiye osobennosti (na materiale angliyskogo, frantsuzskogo, ukrainskogo i russkogo yazykov) [Anthroposemic euphemisms and their functional and pragmatic features (based on the material of English, French, Ukrainian and Russian languages)]. Dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.15 – obshcheye yazykoznaniiye. Odessa. 304 s. [in Russian].
5. Kobzev A.I. Chunksua Dukhovnaya kultura Kitaya: entsiklopediya [Spiritual culture of China: encyclopedia]: v 5 t. / gl. red. M.L. Titarenko. T. 6 (dopolnitelnyiy). Iskustvo. Moskva: Vost. lit., 2010. S. 846–851 [in Russian].
6. Koval V.I. (2003) Belorusskaya narodno-pesennaya frazeologiya lyubovno-eroticheskogo sodержaniya [Belarusian folk song phraseology of love and erotic content]. *Frazeologické studie III*. Jozef Mlacek – Peter Ďurčo editori. K 13. Kongresu slavistov v Lyublyane. Bratislava. S. 105–115 [in Russian].
7. Koval V.I. (2011) Frazeologiya narodnoy dukhovnoy kul'tury: sostav, semantika, proiskhozhdeniye [Phraseology of folk spiritual culture: composition, semantics, origin]: monografiya. Minsk: RIVSH. 196 s. [in Russian].
8. Kovshova M.L. (2007) Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and pragmatics of euphemisms]. Kратkiy tematicheskiy slovar sovremennykh russkikh evfemizmov. Moskva: Gnozis. 320 s.[in Russian].
9. Kravtsova M.Ye. (1993) Zhemchuzhina iz volshebnoy puchiny. Zаметki o kitayskoy lyubovno-liricheskoy poezii [A pearl from the magic abyss. Notes on Chinese love-lyric poetry]. *Chornaya zhemchuzhina: Zhurnal o kulture Vostoka*. Vyp. 2. S.64–66 [in Russian].
10. Larin B. A. (1961) Ob evfemizmax [About euphemisms]. *Problemy yazykoznaniiya*: sb. st. / Red. B.A. Larin. L.: Nauka. S. 101–114 [in Russian].

11. Lesyuk M.P. (2010) *Erotizm v ukrainskomu písennomu folklori* [Eroticism in Ukrainian song folklore]: naukove vydannia. Ívano-Frankívsk: Místo NV. 244 s. [in Ukrainian].
12. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* (1990) [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. V.N. Yartseva. Moskva: Sov. entsiklopediya. 685 s. [in Russian].
13. Mokiienko V. M., Nikitina T. G. (2000) *Bolshoy slovar russkogo zhargona* [The Big Dictionary of Russian Jargon]. Sankt-Peterburg: Norint. 720 s. [in Russian].
14. Moskvín V. P. (2010) *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the lexical system of the modern Russian language]. Moskva: Lenand. 264 s. [in Russian].
15. Mokhovichova N.S. (2015) *Funktsionirovaniye evfemizmov kitayskogo yazyka v zerkale russkogo yazyka (na materiale tematicheskoy gruppy smert)* [Functioning of euphemisms of the Chinese language in the mirror of the Russian language (based on the material of the thematic group death)] *Filologiya i kultura*. №1(39). S. 54–58 [in Russian].
16. Slepovich V. S. (Sistems) *Kurs perevoda* [Translation course]. 4-ye izd., pererab. i dop. Minsk: Tetra. 2004. 320 s. [in Russian].
17. *Slovar ukrainskogo yazyka, sobrannyi redaktsiyey zhurnala «Kiyevskaya starina»* (1958) [Dictionary of the Ukrainian language, compiled by the editors of the magazine «Kievskaya Starina»] / Redaktiroval, s dobavleniyem sobstvennykh materialov, B.D. Grinchenko: T. 1–4. Kiiiv: Vyd-vo AN URSSR. 575 s. [in Russian].
18. Chzhan Chan (2011) *Evfemizmy seksualnykh otnosheniy v russkom i kitayskom yazykakh* [Euphemisms of Sexual Relations in Russian and Chinese]. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskoye nauki*. № 10 (64). S. 38–42 [in Russian].
19. Chzhan Chan. (2013) *Evfemizatsiya v russkom i kitayskom yazykakh: lingvokul'turologicheskii i lingvopragmaticheskii aspekty* [Euphemization in Russian and Chinese: linguocultural and linguo-pragmatic aspects]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.20–sravnitelno-istoricheskoye, tipologicheskoye i sopostavitelnoye yazykoznaniiye. Volgograd. 26 s. [in Russian].
20. Dąbrowska A. (1998) *Słownik eufimizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN. 323 s. [in Polish].
21. Matešić J. (1982) *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga. 808 s. [in Croatian].

EUPHEMISTIC PHRASEOLOGISMS IN SLAVIC AND CHINESE LANGUAGES

Abstract. The article discusses Slavic and Chinese euphemistic phraseological units used to indirectly characterize persons, objects and situations that cause ideas about something forbidden, tabooed, or obscene, indecent. Euphemisms in general (not only phraseological units, but also lexical units) are actively used to covertly designate something inappropriate. Such units include stable phrases that are included in the thematic groups “pregnancy”, “birth”, “intimate relationships”, “adultery”, “prostitution” and some others. A characteristic feature of euphemistic phraseological units, known in both Slavic and Chinese languages, is the use of zoonym components and phytonym components endowed with the corresponding symbolic meanings. Sources of factual material in this case are not only quite widespread in the language, but also stable phrases that are regularly found in prosaic texts, and especially in verses and folk songs of love and marriage themes. Particularly significant for identifying and analyzing the considered phraseological units that have a pronounced erotic coloring is the appeal to the Chinese “lyrics of separation”, that is, verses that are dedicated to female love experiences: unrequited love, insidious deception of a girl, betrayal of a lover or his forced departure to distant lands. However, despite the specificity and fundamental differences between Slavic and Chinese cultures, in some cases, the structure and internal form of euphemistic phraseological units in Slavic and Chinese languages are very close or even identical.

Keywords: euphemisms, phraseological units, inner form, use, literary text.

ЕВФЕМІСТИЧНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ У СЛОВ'ЯНСЬКИХ І КИТАЙСЬКІЙ МОВАХ

Анотація. У статті розглядаються слов'янські й китайські евфемістичні фразеологізми, що використовуються для непрямой характеристики осіб, предметів і ситуацій, які викликають уявлення про що-небудь заборонене, табуоване, непристойне. Евфемізми в цілому (не тільки фразеологічні, а й лексичні одиниці) активно використовуються для завуальованого позначення чогось недоречного. До таких одиниць належать стійкі словосполучення з тематичних груп «вагітність», «народження», «інтимні стосунки», «перелюб», «проституція» і деякі інші. Характерною особливістю евфемістичних фразеологізмів, відомих як у слов'янських, так і в китайській мовах, є використання компонентів-зоонімів і компонентів-фітонімів, які наділяються відповідними символічними значеннями. Джерелами фактичного матеріалу в цьому випадку є не тільки досить поширені в мові звороти, а й стійкі словосполучення, які регулярно зустрічаються в прозових текстах, і особливо – у поезіях і народних піснях любовно-шлюбної тематики. Особливо значущим для виявлення й аналізу розглянутих фразеологізмів, що мають яскраво виражене еротичне забарвлення,

виявляється звернення до китайської «лірики розлуки», тобто до віршів, які присвячені любовним жіночим переживанням: кохання без взаємності, підступному обману дівчини, зраді коханого або його вимушеного від'їзду в далекі краї. Відзначається, що слов'янські й китайські евфемістичні фразеологізми відображають картину світу різних народів. Водночас, незважаючи на специфіку й принципові відмінності слов'янської та китайської культур, в окремих випадках структура і внутрішня форма евфемістичних фразеологізмів у слов'янських і китайській мовах виявляються досить близькими або навіть тотожними.

Ключові слова: евфемізми, фразеологізми, внутрішня форма, вживання, художній текст.

© Коваль В., 2020 р.

Володимир Коваль – доктор філологічних наук, професор кафедри російського, загального і слов'янського мовознавства, Гомельський державний університет імені Ф. Скорини, Гомель, Білорусь; <https://orcid.org/0000-0002-9152-0858>.

Vladimir Koval – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, F. Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus; <https://orcid.org/0000-0002-9152-0858>.